

Шигурова Татьяна Алексеевна

СЕМАНТИКА КРОЯ ТРАДИЦИОННОЙ РУБАХИ МОРДВЫ-ЭРЗИ

В статье исследуется крой традиционной рубахи мордвы-эрзи. Цель работы заключается в определении кроя как материализованного воплощения своеобразия древнейших культур, участвовавших в этногенезе мордовского народа. Эрзянская рубаха ("панар", "паля", "покай") - своеобразный реликтовый образец на территории Поволжья, сохранивший "память культуры" о древнейших земледельцах Среднего Поволжья.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/6-1/58.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 6(80): в 2-х ч. Ч. 1. С. 205-208. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

4. Шаповалова Ю. В. Актуализация феминистских ценностей в условиях современной цивилизации: дисс. ... к. филос. н. Ростов-на-Дону, 2006. 163 с.
5. Anderson B., Zinsler J. A History of Their Own: Women in Europe from Prehistory to the Present. Harper & Row, 1988. Vol. 2. 591 p.

FEMINIST THOUGHT AND MODERN CIVILIZATION

Shapovalova Yuliya Vladimirovna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor

Volkova Tat'yana Valer'evna, Ph. D. in Philosophy

Don State Technical University in Rostov-on-Don

yulia-sha@yandex.ru

The article deals with the problem of the need for actualization of progressive ideas of the feminist and gender thought in the modern society. Due to aggravation of contradictions of economic, cross-cultural, religious, political and social nature in the modern civilization, the process of increasing discrimination against socially vulnerable groups of population, such as women, disabled people, children and the elderly, can be seen. The authors focus on the fact that in the Russian scientific thought this problem is not being given due attention at present.

Key words and phrases: feminization of thought; modern civilization; discrimination; gender approach; problem of violence; axiological significance of feminism.

УДК 391(470.345)

Культурология

В статье исследуется крой традиционной рубахи мордвы-эрзи. Цель работы заключается в определении кроя как материализованного воплощения своеобразия древнейших культур, участвовавших в этногенезе мордовского народа. Эрзянская рубаха («панар», «паля», «покай») – своеобразный реликтовый образец на территории Поволжья, сохранивший «память культуры» о древнейших земледельцах Среднего Поволжья.

Ключевые слова и фразы: мордовская культура; генезис; бинарность этноса; эрзянская рубаха; крой; знак.

Шигурова Татьяна Алексеевна, д. культурологии, доцент

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет

имени Н. П. Огарева, г. Саранск

shigurova_tatyana@mail.ru

СЕМАНТИКА КРОЯ ТРАДИЦИОННОЙ РУБАХИ МОРДВЫ-ЭРЗИ

Традиционный костюм – живой организм, неразрывно связанный с человеком, его внутренним миром, сознанием, эмоциональной сферой. Он создается человеком и преобразуется вместе с ним, отвечая переменам в его взглядах на происходящие вокруг изменения. Сказанным определяется сложность теоретического осмысления феномена костюма и интерес к нему со стороны представителей разных направлений научных исследований в сфере гуманитарного знания: антропологии, социологии, психологии, этики, эстетики, истории, философии и культурологии. Создаваемый ежедневно, вновь и вновь, традиционный костюм обеспечивал стабильность передачи необходимой информации из поколения в поколение. Каждый элемент его сложной знаковой системы был наделен глубоким смыслом, порой – сложной символической семантикой, которая кодировалась в языке [13; 17].

Несомненный научный интерес представляет изучение традиционного костюма мордвы (эрзи и мокши), четко разделяющегося на мокшанский и эрзянский комплексы. Различия комплексов подчеркнуты своеобразием их структуры, особенностями кроя и наименования составляющих элементов. При рассмотрении одежды невозможно обойти вниманием особенности кроя базиса костюма (*базовые элементы* – чье присутствие обязательно в любом варианте костюма, без чего выход человека «на люди» немислим). Известно, что в мордовском костюме к числу базовых элементов относятся рубаха («щам» – м., «панар» – э.), поясная одежда («понгст» – м., «пулай», «пулагай», «пуло-каркс» – э.). Женская рубаха в наибольшей степени приближена к телу человека, часто скрыта от посторонних глаз, вероятно, поэтому она и сохраняла этнические особенности вплоть до середины XX в., мужской костюм мордовского крестьянина уже с середины XIX в. был единым с костюмом окружающего русского населения.

Крой мордовской одежды привлекал к себе внимание ученых. По мнению Б. А. Куфтина, рубахи финно-угорских народов Поволжья являются туникообразными [6, с. 22]. Туникообразный крой был известен многим народам, жившим на огромном пространстве евроазиатского материка как наиболее простой, исходящий из размеров ткани и пропорций человеческого тела [7, с. 218]. В литературе отмечен ряд его модификаций, устойчиво сохранявшихся в определенных регионах. Исследователями неоднократно предпринимались попытки его классификации и типологизации [1; 6; 11; 12].

Б. А. Куфтин, считая туникообразный покрой характерным для женских рубах волжских финнов и чувашей, выделял в его рамках два типа кроя, один из которых он не случайно называл *эрзянским*. Дело в том, что

по своему покрою традиционная эрзянская рубаха в середине XIX – начале XX в. отличалась не только от мокшанской, но и от рубах других народов Поволжья едиными принципами оформления ворота, рукавов, подола: два полотнища холста, перегнутые поперек и сшитые между собой, составляли стан рубахи с четырьмя швами, шедшими по середине груди и спины, а два – по бокам. Вдоль переднего шва рубахи холст подгибался внутрь на 5-7 см с обеих сторон от шва, отчего задняя часть получалась несколько шире, чем передняя. Впереди сверху оставляли незашитым расстояние (примерно в 30 см), подгибая к плечам на глубину 5-6 см таким образом, что образовывался конусообразный вырез. Рукава пришивались к стану по кромке ткани под прямым углом.

Н. И. Гаген-Торн называла данный крой «более древним для народов Поволжья типом, сохранившимся в чистом виде лишь у мордвы-эрзи, остатки которого видны в расположении вышивки всех мордовских рубашек, как эрзянских, так и мокшанских» [1, с. 8]. Автор первым указал на связь рубашек эрзянского типа с культурой земледельцев финно-угорской группы [Там же, с. 10]. Рассматривая костюмы народов Поволжья, К. И. Козлова особо выделила рубаху мордвы-эрзи (с учетом ее покроя) и высказала предположение о возможном ее возникновении на базе распашной одежды [4, с. 74].

В. Л. Сычев [12] связывал происхождение эрзянской туникообразной одежды из двух полотен (первоначально, очевидно, не сшивавшихся) с населением земледельческого культурно-хозяйственного типа. Ранняя форма туникообразной одежды из двух полотен – распашная одежда – сохранилась в качестве единственной на «крайнем» Востоке, где от эпохи древности до наших дней у народов Японии, Кореи, Китая бытует вариант покроя из двух полотнищ с обязательным срединным швом на спине [8, с. 9]. Некоторые исследователи были склонны объяснять возникновение эрзянского кроя рубахи контактами мордовского населения с восточными славянами, позднее – с русскими, однако большинство авторов основной для славянского населения, и в частности для восточных славян, считает рубаху с плечевыми вставками-поликами, которая появилась в глубокой древности [7, с. 218]. Туникообразная же женская рубаха, встречающаяся, по данным историко-этнографического атласа, на периферии основной области расселения восточных славян, относилась при этом к мокшанскому типу.

Как показывают наблюдения, крой одежды являет собой материализованное воплощение своеобразия древнейших культур, участвовавших в этногенезе мордовского народа [18]. Проживание на границе леса и степи, охотничьих, кочевых и земледельческих культур естественным образом привело к появлению различий в эрзянском и мокшанском комплексах одежды, и в частности – в крое базового элемента – рубахи, в различии ее наименования («панар» – э., «щам» – м.) и даже в манере ношения. Исследование культурно-исторических процессов в пограничных культурах показывает их непредсказуемый, творчески-поисковый характер. Пограничность в культуре, по мнению И. В. Кондакова, предопределяет ее мощную, нередко гипертрофированную инновативность. Напряженная и продуктивная жизнь культуры, связанная с рождением новых смыслов, наблюдается именно на границах культур и культурных областей, культурно-исторических эпох [5, с. 54].

Наряду с расположением полотнищ, следующим различием туникообразного кроя является оформление ворота рубахи. На эрзянской одежде воротника не было. Ворот обрамлялся полосой вышивки до уровня груди, в некоторых селах Ардатовского уезда вышивка доходила до уровня талии. Подобное оформление одежды напоминает сохранявшиеся в XIX в. халатообразные элементы в таджикском и узбекском традиционном костюме Ташкентской области и Ферганы [8, с. 22]. Глубина выреза горловины у рубахи была продиктована чисто практическими соображениями. В большой патриархальной семье женщина могла при необходимости переодеть рубаху даже в присутствии мужчин: накидывая чистую рубаху сверху и закрываясь ею, снимая через плечи вниз нижнюю. Крой эрзянской рубахи, будучи устойчивым этническим признаком на всей территории проживания эрзи, был, по словам женщин-информантов, очень удобным; он сохранялся для нижней одежды даже в тех местах, где в начале XX в. уже носили юбку и кофту. Сохранение этого кроя одежды в варианте, не видимом окружающими, когда его социальная значимость практически свелась к нулю, подчеркивает стойкость данного знака в народной традиции, в том числе и на подсознательном психологическом уровне.

На подоле рубахи спереди оставляли незашитым расстояние 15-20 см, что также имело прагматическое обоснование: длинная и узкая одежда была бы неудобной при ходьбе и во время физических работ. Рукава эрзянской рубахи шили прямыми, без клиньев; длина их равнялась ширине холста (достигала 29-32 см). Они были сравнительно короткими – до локтя или чуть ниже, что было удобно для выполнения физической работы как дома, так и в поле. Прямой рукав без проймы пришивался к краю холста в области плеча, и лишь по нижней границе соединения его со станом шивали квадратные ластовицы (*кавалалкспацят* – э.) для облегчения движений руки. Таким образом, крой эрзянской рубахи (базового элемента одежды) был знаком, передающим семантику трудовой деятельности, ее своеобразие: носитель одежды занимается земледелием. Передаваемые из поколения в поколение особенности кроя были направлены на то, чтобы не сковывать движения человека, не мешать во время физической работы. Эрзянская рубаха – своеобразный реликтовый образец на территории Поволжья, сохранивший «память культуры» о древнейших земледельцах Среднего Поволжья.

Локальные черты кроя наблюдались, например, у теньгушевской эрзи. Здесь рукав рубахи был длиннее: он достигал запястья, что объяснялось большей шириной холста, изготавливаемого в данной местности, и мокшанским влиянием [3, с. 139]. В этом случае знание кода гарантировало правильность определения места проживания женщины.

Особым кроем у теньгушевской эрзи характеризовалась праздничная верхняя рубаха *нанга*, или *нангунь-панар* – «верхняя рубаха». Стан ее был расширен за счет рукава: полоса холста, как бы обертываясь вокруг руки, спускалась вниз вплоть до талии, сшиваясь с постепенно сужающимися на подоле клиньями. Широкие проемы для рук свободно свисали по плечам. Об аналогичном верхнем одеянии арзамасской мордвы писал П. С. Паллас: «К совершенному убранству принадлежит широкое холщовое верхнее одеяние с короткими,

но в пол-аршина широкими рукавами...» [9, с. 82]. У Нижегородской терюшевской мордвы-эрзи в середине XIX в. бытовала свадебная одежда с широкими рукавами, вышитая по бедрам и рукавам шерстью в 3 и 5 рядов.

Наиболее ценные, с точки зрения общества, фрагменты памяти сохранялись с помощью ритуала. Элементы традиционного костюма являлись необходимой составной частью любого обряда (общественного, семейного, свадебного, родильного, погребального) [14-16]. Ритуальную одежду готовили заранее, тщательно хранили, порой передавали по наследству от матери к дочери или младшей сестре. В начале XX в. свадебную рубаху, оставшуюся в единственном экземпляре на все село, могли надевать по очереди невесты этого села на свадьбу. Ритуальные элементы костюма использовались столетиями, почти не изменяясь и сохраняя этнические особенности. При этом известно, что традиционная ритуальная эрзянская рубаха «покай» обнаруживает удивительное сходство с византийской одеждой «дивитисием-долматиком», на что обращали внимание исследователи еще в конце XIX в., подкрепляя свои догадки и предположения обилием находок в мордовских могильниках византийских монет VIII-XI вв. [10, с. 130-131]. Трудно определить путь и источники тех или иных заимствований, но, безусловно, ткани, одежда, украшения занимали очень важное место среди товаров обмена или торговли между народами с глубокой древности. Здесь «память культуры» сообщает нам о сложности древней одежды, вероятности бытования кроя из шести точек холста, что фиксируется в фольклорных произведениях:

«Молодые девицы-хозяйюшки!
При наступлении летних дней
В ботинках и чулках ходящие,
При наступлении красных дней
В шесть полос рубашки носящие...» [2, с. 189].

На ритуальной эрзянской рубахе *покай* сохранились шесть полос вышивки. Мордовская поговорка «У кого рубаха в две точки – ленивый человек на селе» содержит семантику качественной характеристики человека в соответствии с кроем его рубахи. В данной семантике заключен глубокий смысл: о качестве трудолюбия человека можно судить по крою носимой им рубахи.

Примечательно, что со сменой материала было связано и изменение в покрое рубахи. Мордва-эрзя Нижегородской губернии в начале XX в. стала носить сарафан, с которым получила распространение рубашка, состоявшая по крою из двух сшивающихся частей: верхней – *рукава* – и нижней – *станка*, что было характерно и для русского населения. Верхнюю часть рубахи (*рукава*) шили из льняного холста, тканного в мелкую клетку. Нити для такой ткани собственноручно красили в красный цвет. Нижнюю часть рубахи (*станка*) изготавливали из конопляного холста. В начале XX в. шире использовались фабричные хлопчатобумажные ткани. Появление новых технологий изготовления материала способствовало изменению культуры этноса, что непременно отражалось в конкретных материальных артефактах как результатах творческой деятельности. Изменения в использовании формы одежды, образуемой новым кроем, соответствовали представлениям народа о цели и результате трудовых процессов; фиксировали преобразования в общественном сознании [19].

Эрзянская традиционная рубаха до начала XX в. оставалась неизменной, сохраняя единую основу. В первой половине XX в. новый крой проник в эрзянские села в виде совершенно новых элементов одежды: сарафана, а затем «парочки» – юбки с блузкой.

Список источников

1. Гаген-Торн Н. И. Женская одежда народов Поволжья: материалы к этногенезу. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1960. 228 с.
2. Евсевьев М. Е. Мордовская свадьба. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2012. 280 с.
3. Ежова В. П. Этнографическая характеристика одежды мордовского населения Теньгушевского района МАССР // Ученые записки Мордовского педагогического института. Саранск, 1956. Вып. 4. С. 135-154.
4. Козлова К. И. Этнография народов Поволжья. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1964. 174 с.
5. Кондаков И. В. Введение в историю русской культуры. М.: Наука, 1994. 378 с.
6. Куфтин Б. А. Материальная культура русской Мещеры. М., 1926. 144 с.
7. Лебедева Н. И., Маслова Г. С. Русская крестьянская одежда XIX – начала XX в. // Русские: историко-этнографический атлас. М., 1967. С. 193-267.
8. Лобачева Н. П. О некоторых чертах региональной общности в традиционном костюме народов Средней Азии и Казахстана // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана / отв. ред. Н. П. Лобачева, М. В. Сазонова. М.: Наука, 1989. С. 5-38.
9. Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи: в 3-х ч. СПб.: При Император. Академии Наук, 1809. Ч. 1. 657 с.
10. Смирнов И. Н. Мордва: историко-этнографический очерк. Саранск, 2002. 296 с.
11. Сухарева О. А. Опыт анализа покроев традиционной туникообразной среднеазиатской одежды в плане их истории и эволюции // Костюм народов Средней Азии. М.: Наука, 1979. С. 77-103.
12. Сычев В. Л. Из истории плечевой одежды народов Центральной и Восточной Азии (к проблеме классификации) // Советская этнография. 1977. № 3. С. 32-46.
13. Шигурова Т. А. Информационный потенциал текста мордовского костюма // Регионология. 2011. № 2. С. 297-298.
14. Шигурова Т. А. Одежда в родильном ритуале мордвы // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. 2011. № 4. С. 117-122.
15. Шигурова Т. А. Покрывало мордовской невесты в свадебном обряде: этно-социальный аспект // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. 2011. № 1. С. 133-138.

16. Шигурова Т. А. Ритуальный национальный костюм как способ социально-культурной идентификации его владельца // Регионоведение. 2010. № 3. С. 298-305.
17. Шигурова Т. А. Семантика холста в традиционном костюме мордвы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 7 (13). Ч. 1. С. 219-222.
18. Шигурова Т. А. Традиционный женский костюм в аспекте этногенеза мордовского народа // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. 2009. № 4. С. 107-111.
19. Шигурова Т. А. Этносоциальные функции традиционной женской одежды в обычаях и обрядах мордвы: дисс. ... к.и.н. Саранск. 2003. 301 с.

SEMANTICS OF THE TRADITIONAL ERZYA SHIRT STYLE

Shigurova Tat'yana Alekseevna, Doctor in Culturology, Associate Professor
National Research Ogarev Mordovia State University in Saransk
shigurova_tatyana@mail.ru

The article examines the style of the traditional Erzya shirt. According to the author, the style is materialized implementation of specificity of ancient cultures participating in ethno-genesis of the Mordva people. The Erzya shirt ("panar", "palya", "pokai") is a rarity, which has preserved "memory of culture" of ancient agriculturalists of the Middle Volga region.

Key words and phrases: Mordvinian culture; genesis; binarity of ethnos; Erzya shirt; style; sign.

УДК 94(47)“1914/19”

Исторические науки и археология

В статье анализируются факты открытия на территории Пермской епархии в годы Первой мировой войны памятников, посвященных землякам, погибшим на фронте. Документальные источники позволяют проанализировать процедуру открытия памятника-символа. Церемония была стандартной, связанной с христианской символикой; характеризовалась массовостью и торжественностью обрядовой стороны. Автор подчеркивает особую роль в рассматриваемом событийном ряде епархиального духовенства – от идеи создания, сбора средств до момента освящения памятника и проведения планируемых ежегодных религиозных церемоний.

Ключевые слова и фразы: Первая мировая война; памятники; епархиальное духовенство; ритуал; христианская символика; Пермская епархия.

Шувалова Юлия Борисовна, к.и.н., доцент

Пермская государственная сельскохозяйственная академия имени академика Д. Н. Прянишникова
schuwaljul@mail.ru

ПАМЯТНИКИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРМСКОЙ ЕПАРХИИ)

Изучение периода Первой мировой войны – судя по научным дискуссиям и появляющимся фундаментальным трудам [11; 17; 18; 25] – подошло к стадии обобщения. Однако вопросы, связанные с этим периодом, до конца не исчерпаны. Концентрация исследовательского интереса на военных событиях, дипломатии, социально-экономических и политических тенденциях общероссийского масштаба постепенно уступает место региональной проблематике: изучению процессов трансформации социокультурной жизни провинциального общества, повседневных практик населения, отношения различных социальных групп к войне [2; 3; 15; 26; 27].

В то же время ряд событий, например, случаи увековечивания памяти о подвигах земляков-ратников, на историческом материале провинциальных губерний не рассмотрены даже на примере частных случаев.

Официально идея сооружения памятников погибшим на фронтах Первой мировой войны и умершим от ран воинам была высказана в предложении Александровского комитета о раненых уже в сентябре 1914 г. Можно предположить, таким образом, что факты создания мест памяти Первой мировой войны на территории Пермской губернии не являются исключительными в отечественной истории. Однако о ситуации в других губерниях судить сложно, т.к. в исследованиях подобного рода примеры не приводятся. Формат планировавшихся к устройству мест памяти – «хотя бы примитивного устройства, в виде часовни, крестов, каменных столбов и т.п.» [9, д. 8, л. 16 – 16 об.], – уже адресует к основным инициаторам события – православным верующим и епархиальному духовенству.

Гражданская позиция Православной Российской Церкви в период Первой мировой войны довольно подробно рассмотрена в региональных исследованиях. Изучена степень участия епархиального духовенства в мобилизации тыла на нужды военного времени, в частности, такие мероприятия как сбор пожертвований, уход за больными и ранеными воинами, поминальные службы, молебны [5, с. 27-28; 6, с. 161, 167-168; 13, с. 176-186]. В целом, можно утверждать, что духовенство в период Первой мировой войны являлось не просто носителем культурных норм и традиций, но и активным субъектом социально-политического действия. При этом на местах была выработана довольно эффективная модель взаимоотношений светской и религиозной властей.